

Юрий Купер
СФУМАТО

Моей дочери Полине

Юрий Купер

СФУМАТО

Роман

Издательство АСТ

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Обложка Ю. Л. Купера

*Сфумато (итал. sfumato);
букв. – исчезнувший как дым.*

ГЛАВА 1

Я проснулся от неприятного звука, как будто скребли лопатой по замерзшему асфальту. Казалось, что я уже слышал когда-то такой звук, возможно, давно, в детстве. Прислушался: словно отдаляясь, звук становился все тише и тише. Я попытался ощупать себя, но не смог, стал вспоминать вчерашний вечер, но тот не вспоминался, будто его не было вообще. Хотелось курить. Я сделал попытку найти в темноте сигареты, они всегда лежали на полу возле кровати, но руки не слушались. Попробовал приподняться, но тело было неподвижно. Тогда я стал пристально вглядываться в обступивший меня мрак, пытаюсь понять, где нахожусь. Обычно я не выключал телевизор на ночь и засыпал, иногда даже не раздеваясь. Но теперь не было ни светящегося экрана, ни окон, ни стен.

«Может, я просто сплю? Надо немедленно проснуться». Тревога и испуг постепенно скрывали меня. Я лежал, не двигаясь, мучительно вспоминая вчерашний день, но ничего, кроме звука металла по замерзшему асфальту, вспом-

нить не мог. «Может, это и не асфальт, а мерзлая земля. Ну и какая разница? Разве это так важно?» — промелькнуло в голове.

Звук скребущей лопаты становился все громче, будто желал предупредить меня о своем приближении. Сквозь металлический скрежет я услышал человеческий голос, напевающий песню на неизвестном языке. Мелодия была протяжной и довольно грустной. Внезапно звуки прекратились, и где-то совсем рядом раздались шаги, было даже слышно, как поскрипывает снег.

— Ну и как Она, ничего? — неожиданно произнес мужской голос.

Теперь я уже мог разглядеть во мраке силуэт. Фигура мужчины была темной, но вокруг нее мерцало какое-то свечение, и благодаря этому стало хоть что-то видно. Вначале я разглядел в руках человека большую лопату. Низ деревянного совка был обит металлом. Позади человека угадывался деревянный короб-кузов, доверху наполненный снегом.

— Ну и как Она, ничего? — хриплым простуженным голосом произнес неизвестный еще раз и прислонил лопату к стене.

— Она — это кто? — пробормотал я, с трудом шевеля губами.

— Смерть, — с легким раздражением ответил запорошенный снегом человек и стал дуть на озябшие руки. — Метет, сука...

— Кто ты?

— А ты че, не узнаешь? Забываете друзей детства? Луку Арсенича, дворника, забыл, небось? А я вот тебя помню. — Мужчина сел на пол и, кряхтя, стал стягивать с себя валенки.

— Где мы? — спросил я.

— Где-где... В... Везде. Понял? На небе, вот где, — подняв вверх палец, произнес он.

— Ты шутишь, что ли?

— А че шутить-то? Тут, брат, не до шуток. Жизнь, она везде есть. И здесь, и на Марсе. Ты, главное, не трухай. Тут не так уж и плохо.

— А почему так темно?

— Ну, это потому, что ты еще не привык к темноте. Здесь, сука, все наоборот: день и ночь — все перепутано. Тут свои времена года. Вот сейчас, например, по календарю июль, понял? А холод, скажу тебе, собачий. Вишь, в валенках хожу.

— А люди-то хоть здесь есть?

— А то... и мужики, и бабы, и дети. Только увидишь их позже, когда оклемаешься. А пока меня только видишь. Понял?.. Мне поручено встретить тебя, как друга детства. И опекать в период реабилитации, так, кажется, это называется. Поживешь в темноте, привыкнешь. А там, глядишь, и начнется настоящая жизнь... ну, то есть смерть. Понял?..

— Лука, у тебя случайно закурить не найдется? — перебил его я.

— Может, и выпить попросишь? Я с этим делом давно завязал. Да и тебе советую. — Лука, кряхтя, поднялся с пола, подхватил одной рукой валенки, другой лопату и двинулся к выходу. — Я позже найду, а ты пока оклемавайся, понял? Привыкай к смерти-то, — сказал он и высыпал из кузова снег прямо на пол.

Я остался в крошечной темноте, с трудом пытаюсь понять, что происходит. В памяти

всплыл заснеженный двор с огромным сугробом в центре — с этой горы катались на санках, — вспомнил и дворника Луку, который, обычно впрягшись в сани, таскал кузов со снегом через весь двор. Он переворачивал кузов и лопатой забрасывал снег на сугроб, делая его еще выше.

Снова послышался скрип шагов, и в слабом светящемся ореоле возник парень в ушанке и валенках. Лицо его было в копоти, как после пожара.

— Лука ушел? — поинтересовался он.

Оглянувшись по сторонам и не дождавшись ответа, озябшими пальцами растегнул ширинку и начал двигать бедрами, как будто вращал хулахуп. На снегу появилась первая буква «А», потом «Л». А потом и все имя — АЛИК.

— Я сын дяди Миши-парикмахера, — стряхнув последнюю каплю, сказал он. — Ну, мое имя ты теперь знаешь... А моя сестра Сонька подойдет позже. Никому не говори, что видел меня, усек?

И он исчез так же, как и Лука, растворившись в зыбком мерцающем свете.

Постепенно я начал различать очертания предметов. С потолка свисала веревка или шнур с лампочкой на конце. Иногда она мигала, как будто собиралась перегореть. На стенах висели корыта, тазы. С трудом можно было различить двери. Они были покрыты пыльным инеем, некоторые обиты рваной тканью — не то дерматином, не то дерюгой. На дверях виднелись номера. Они были выбиты на маленьких бляшках, эмалевых овалах. У одной из стен стоял сундук.

В какой-то момент показалось, что я вижу сидящего на сундуке старика. Он курил. Я даже разглядел кольца дыма, которые висели в воздухе, а затем лениво и медленно расплывались, превращаясь из колец в кривые эллипсы, а затем, потеряв форму, исчезали где-то под потолком. Там, где свисал шнур, на потолке угадывалась розетка с изображением пыльных ангелов, покрытых копотью. Весь потолок был усеян прилипшими к нему обгоревшими спичками. Вокруг каждой спички чернел темный закопченный круг. Сидящий на сундуке старик, словно не видя меня, монотонно бубнил одну и ту же фразу:

— Ну что, хулиганье, халястые мошенники...

Что значила эта фраза, я не знал. Скорее всего что-то похожее на приветствие. Казалось, я это уже когда-то слышал. При чем здесь смерть и иной мир, понять было трудно. Я продолжал разглядывать деда на сундуке, фигура которого становилась все четче.

Вдруг рядом с ним появился мальчик. Он устроился с дедом на сундуке. Дед поздоровался с мальчиком той же фразой и замолчал, сосредоточенно вглядываясь в мерцающий пепел на кончике папиросы, желтым ногтем выстраивая из пепла идеальный конус. Мальчик, не отрываясь, наблюдал за движением дедова пальца, как будто в нем была заключена непостижимая тайна его детского мироздания.

Тогда, в детстве, дед казался мне волшебником. Когда он умер, соседи поручили мне нести венок на кладбище. Я шел впереди процессии

обитателей коммуналки и плакал. Мне не верилось, что я больше не увижу серебристый пепельный конус.

Я понял, что передо мной мир, от которого мне уже не уйти: надо созерцать, то есть смотреть долго-долго, всматриваясь в почти невидимое.

...За окном светало, и окружающие меня предметы приобретали более ясные очертания. Место, где я находился, было похоже на мою московскую квартиру. Мне стало страшно, что скоро наступит утро и все исчезнет. Я вдруг увидел знакомый коридор на Мещанской, заваленный хламом, заставленный сундуками, ящиками и шкафами, увидел стены с жестяными корытами, серебристую взвесь пыли, которая висела в воздухе, как дождливый утренний туман за окном. Казалось, я даже услышал за стеной знакомую мелодию. Женский голос нежно выводил: «Давай закурим...»

Может, это имеет отношение к теории антимиров, подумал я с какой-то необъяснимой тоской, но скоро мне надоело думать об этом, хотя подробно разглядывать давно пережитое в детстве довольно любопытно. Во рту было невыносимо сухо. Меня стало клонить ко сну.

Сквозь сон показалось, что звонит телефон.

«Но я ведь все равно не могу встать и ответить, — вяло шевельнулось в голове. Не хотелось отвечать, звонили, наверное, чтобы пригласить куда-нибудь... Москва — это город, где вся светская жизнь состоит из дней рождений и похорон. «Сегодня не могу, иду на похоро-

ны», или «на сорок дней», или «на девять». «Хочешь, пойдём вместе?» — «Нет, спасибо...» Я вспомнил недавний день рождения, кажется, в ресторане «Остерия», что напротив ЦДЛ, где много пили, потом поехали домой к новорожденной, на Садовую, там было много пудры, бесконечные дорожки и дорожки на белой фарфоровой тарелке...

«Может, это и есть причина моего состояния?» — подумал я, почувствовав некоторое облегчение. Это многое объясняло. Я попытался вспомнить лица гостей, но ничего, кроме кредитной карточки, лежащей в белом порошке, вспомнить не мог...

* * *

Вновь раздался знакомый звук скребущей по асфальту лопаты. На этот раз он уже не вызывал тревогу, скорее наоборот, успокаивал. Я проваливался все глубже и глубже в какую-то ватную мягкость безразличия и комфорта чужого и, тем не менее, уже знакомого мне мира.

Сколько времени я спал, сказать трудно. Меня вновь разбудил Лука. Я открыл глаза. Босой Лука сидел на полу около кровати. Валенки стояли рядом, с них стекала вода. Тулуп и шапка тоже были мокрыми. А где-то за невидимым окном слышалась монотонная дробь дождя. И на полу, и на стенах проступали серые подтеки. На стенах появились тусклые зеркала в старых облупленных рамах. Амальгама на зеркалах была сильно разрушена, поэтому в них почти ничего не отражалось.

Лука протянул мне папиросу:

— Это тебе от деда Мячина. Помнишь его?

— Прикури мне, — попросил я.

Лука достал откуда-то из глубины овчинного тулупа коробок спичек с надписью «Гигант», ловко смял бумажный мундштук, чиркнул спичкой. Спичка погасла, вторая, третья...

— Сырые, сука, — недовольно буркнул Лука.

Наконец, одна зажглась. Лука вставил папиросу мне в губы и поднес дрожащий огонек. Я глубоко вдохнул, почувствовал приятный кислотатый вкус «Беломора» и запах дыма.

— Ну и как Она, ничего? — уже с доброй улыбкой поинтересовался Лука.

— Теперь уже ничего, — затянувшись, ответил я.

В углу у стены, где раньше стоял сундук, теперь находились стойка бара и круглые столики с чугунными витыми ножками и мраморными столешницами.

— Где я? — спросил я Луку, обводя взглядом призрачное помещение.

— Ты что, не видишь? В кафе...

Дождь монотонно барабанил по запотевшим окнам, которые я только теперь заметил в проемах между зеркалами. Окна были завешены тюлем. Узор на тюле был тот же, что и на потолочной розетке: ангелы с почерневшими от копоти крыльями и лицами. Сквозь тюль можно было разглядеть даже силуэты домов и улицу... На стекле была надпись на французском, которая зеркально читалась как «La Palette». Часть столиков была сдвинута к стене и сложена пирамидой — один на другом. Откуда-то со стороны бара тихо наплывала фран-

цузская мелодия. За одним столиком спиной ко мне сидел, вернее, полулежал, мужчина в светлом промокшем плаще. Судя по всему, он спал.

Что-то знакомое было и в интерьере кафе, и в спине спящего мужчины. Да и в самой мелодии.

— Смерть, брат, нужна, чтобы прожитое вспомнить, — объяснил Лука — Ты понял? Вспомнить и очистить душу. А уж тогда она освободится от тела и сможет свободно отлететь. А не вспомнишь, так душа и будет маяться. Да и ты вместе с ней. Уяснил?..

— Лука, ты не дашь мне пепельницу, — не слушая его бормотанье, попросил я.

— Не дам, бросай на пол.

— Да возьми с соседнего столика, трудно, что ли?

— Да, щас, возьми! Это же все у тебя в воображении, в памяти. Понял? Ты на самом деле думаешь, что это кафе? Ни фиги. Это, брат, все — эфемер. Дыхни посильнее — как и не бывало. Ну ладно, мне пора, — прохрипел Лука, тяжело вставая. — А валенки я у тебя пока оставлю, на батареею положу, пусть, суки, посушатся.

— Так ты же говоришь, что все это эфемер. А батарея тоже эфемер? — спросил я.

— Что, батарея? Тепло оно и есть тепло, раз нам кажется, что топят, значит, и валенки подсушатся. И нечего умничать, понял? Тут сам черт не разберет, где та реальность, а где эфемер!

Лука вышел из комнаты босиком, оставляя за собой мокрые следы на пыльном полу.

Дождь лил, не переставая. Оставшись один, я снова стал рассматривать знакомые предметы, вслушиваясь в тихо звучащую французскую мелодию. Мужчина за столом не шевелился.

Мне показалось, что я слышу звуки-всхлипы, напоминающие женские стоны в постели. Я стал всматриваться в пространство, стараясь понять, откуда они доносятся. Где-то в глубине, у стойки бара я различил женскую фигуру. Женщина полусидела, прислонившись спиной к зеркалу. Юбка и фартук были приподняты, и чуть ниже перед ней, на коленях, спиной ко мне стоял мужик в кожаной куртке. Мне была видна его бритая голова, зажатая между ее колен.

— N'arrête pas... N'arrête pas. Je viens je viens... — стонала она.

Вскоре все стихло, и только хлопала от ветра входная дверь. Силуэты мужчины и женщины за стойкой бара исчезли, будто растворились в запотевших стеклах или дожде. Только негромкая мелодия продолжала звучать уже по второму кругу.

Вдруг дверь кафе распахнулась, как от порыва сильного ветра. Спящий мужчина вздрогнул, с трудом поднялся со стула и, чуть покачиваясь, направился к двери, чтобы закрыть ее на ключ. Он вернулся на свое место, жадно выпил что-то из стакана и снова принял ту же позу, развалившись за столиком. Откуда-то сверху, с закопченного потолка, донесся женский шепот:

— Это только ветер...

Возможно, шепот шел из окон, на которых висел тюль с изображением ангелов с почерневшими крыльями. Вслед за шепотом появи-

лась женская фигура, легко и бесшумно, будто спустилась с потолка на стойку бара. Женщина была босиком, в телогрейке и короткой юбке, голова повязана теплым оренбургским платком. В руках она держала резиновые сапоги. Двигаясь по стойке, незнакомка как бы продолжала начатый танец. Она так свободно передвигалась в пространстве кафе, будто обитала здесь вечно. Один ангел на тюле исчез и вместо него образовалась дыра с обожженными краями. Я не из тех, кто легко верит в мистику, но не мог не обратить на это внимания.

Спрыгнув со стойки и продолжая, словно во сне, двигаться в медленном ритме, женщина приоткрыла дверцу холодильника и достала бутылку шампанского, два бокала и поставила их на стойку. Открутив привычным движением проволоку на горлышке, она с шумом выстрелила пробкой в сторону развалившегося за столиком мужчины. Тот испуганно приподнял голову и чуть слышно с легким удивлением тихо произнес:

— Кто вы?

— Я? — переспросила женщина. — Да никто. Душа в пальто... То есть в телогрейке, — ухмыльнулась она. — Может, выпьем?

Женщина наполнила бокалы и поманила его пальцем, приглашая к стойке бара.

— Как вы здесь оказались? — спросил он, не трогаясь с места.

— Да просто пролетала над городом.

— Ну и летели бы себе дальше.

— Знаешь, устала я, да и погода нелетная, — усмехнулась она. — Не стесняйся, садись побли-